

Milena Kirova

(България, Софийски университет „Св. Климент Охридски“)

Женщины и канон

Как писать историю женской литературы?

Abstract: The paper opens by briefly outlining the development of women's literature in the ex-„East European” countries since 1989. Then it turns to feminist literary theory tracking two different periods of its reception by, and adaption to, literary criticism in post-communist academic research. The concepts of women's generations and women's literary canon, vital for the western tradition of gynocriticism, are closely analyzed in line with their relevance to present-day women's literature in post-communist culture. The paper closes by outlining a threefold model of the prospective to speak of women's literature imbedded in, or in counter stance to, the traditional literary canon.

Keywords: women's literature; women's literary canon; female writing; Bulgarian literature; alternative canon; feminist criticism

Милена Кирова

(България, Софийски университет „Св. Климент Охридски“)

Женщины и канон

Как писать историю женской литературы?

Последние десять-пятнадцать лет в Болгарии заметен подъем в попытке переосмыслить литературную историю места и роли женщин-писательниц. По традиции недооцененные, не до конца понятые, почти полностью изгнанные из канона, женщины занимают новое пространство в исследовательской работе. Неслучайно резко возросло количество диссертаций, защищенных по этой тематике; появились сборники и монографии. В то же время остается ощущение об импульсивной разнонаправленности в подходах; отсутствуют дебаты о смысле, целях и методологии попыток снова вернуть женщин в историю. В этом статье я попытаюсь, исходя из фактов и опыта болгарской традиции, рассуждать над более общими возможностями современного литературоведения, приобщить „женское” творчество – если не полностью к канону, то хотя бы – к публично видимому пространству литературно-исторических исследований.

Литературный феминизм зародился в Болгарии в девяностые годы XX-го века под влиянием начавшихся социальных перемен, он пришел к нам неотделимый от идей

психоанализа, деконструкции и постмодернизма вообще. Необходимость в нем являлась частью более общей нужды в быстром, радикальном и безвозвратном повороте к новому (по возможности, к новейшему), чужому, антидогматическому. Это было время, когда идеи об *écriture féminine*, о различности женского опыта и флюидная эротика женского тела вошли в академическое пространство по законам культурного перевода и превратились в необходимую и неотделимую часть общих усилий в воскрешении и перемене академического мышления болгарской интеллигенции. Философский феминизм, в наибольшей степени оказавший влияние на эти процессы, вел свое начало от французской постструктуралистической традиции – явление, известное като *gynesis*, персонифицированное писательницами как Элен Сиксу, Люс Иригарей и Юлией Крыстевой.

С наступлением нового века радость и праздничная возбужденность очень скоро стали потухать. Отчетливо вырисовываются постепенно „набухавшие” до этого момента неотрадиционалистские настроения и направления, включительно и в творчестве самих женщин. В западном феминистическом литературоведении почувствовалось переориентация на англоязычную школу; на передний план вышла модель, которую Элейн Шоуолтер назвала *гинокритикой* (*gynocriticism*). В отличие от философских и психоаналитических исканий французского авангарда, стремление здесь не столько писать „по-женски”, сколько писать о женщинах, которые творят литературу. Гинокритика, имеющая четко выраженную историческую ориентацию, стремится вывести из забвения, упорядочить и популяризировать имена и творчество женщин-писательниц; ее конечная цель – систематизировать некую женскую традицию, протекающую одновременно с „мужской” (или официальной) литературной историей, и в то же самое время содержащую и развивающую специфически свои „женские” черты. Таким образом, она всегда всего лишь на шаг до идеи создания „женского канона”.

Перспектива перенаписать канон и даже создать новый, альтернативный, в принципе привлекательна тем, что открывает огромное пространство для исследовательской работы и новаторских вкладов. Идея „женского канона” привлекла даже писательниц, которые никогда бы не заявили о себе как о феминистках, а в академической среде эта идея выиграла и некоторые участия со стороны мужчин. „Женская кауза” – хотя она подчас все так же вызывает пренебрежение и насмешку, есть нечто „сущностное”, так как касается естественного разделения на два пола. Ее могут понять и мужчины, и женщины, потому что – я все более убеждаюсь в этом – природа человеческого мышления отмечена каким-то неистребимым эссенциалистским импульсом. Она циклично возвращает и воспроизводит потребность мыслить мир в четко различимых, недвусмысленно называемых, определенных согласно своей „сущности” (по возможности даже „вечных”) категориях и понятиях.

И вот сегодня, в середине второго десятилетия XXI-го столетия, болгарская культура склонна осознать необходимости ревизии традиционного литературного канона и что может быть сконструирован некий альтернативный вариант/варианты исправления исторической несправедливости. (Эта перспектива касается не только идеи „женской” альтернативы, но и альтернативы любому явлению, воспринимаемому как историческая несправедливость.) Хорошим примером было бы конструирование уже популярного у нас в Болгарии „альтернативного канона” поэтов, оставшихся за популярной линией литературы во время социалистического правления. Преимущества гинокритической практики выглядят бесспорными: студенты проявляют готовность посещать лекции по истории литературы, созданной женщинами; раскрываются новые

возможности для докторских диссертаций и работ для хабилитации; освещаются скрытые стороны культурного прошлого, воскрешаются имена достойных женщин в науке и литературе... Конструирование женского канона, хотя оно и направлено главным образом на прошлое, создает рамку, в которую можно поместить, привести в порядок и объяснить иначе разбросанные попытки некоторых современных писательниц писать „по-женски“. Создание исследовательской методологии и концептуального аппарата также служит тому, чтобы узнавать и поощрять возможные „женские“ проявления в будущем.

И все-таки – несмотря на все свои видимые преимущества и достоинства – ситуация амбивалентна и порождает множество причин, чтобы мы были осторожны в попытке оценить ее. Попробую назвать и объяснить хотя бы часть этих причин – так, как я их вижу.

Идея альтернативного канона содержит в себе веру в то, что литературу обязательно следует мыслить через необходимость в каноне. Нам может казаться, что семантическое ударение падает на первый элемент фразы (**альтернативный канон**), но на самом деле гораздо в большей степени речь идет об альтернативном **каноне**, или о желании воспроизвести в новом порядке и новой инстанцией авторитета старую систему правил иерархического характера. Борьба за новый канон (будь он и „альтернативным“) – есть на самом деле борьба за власть над символами и за социальный престиж. Уже сформировавшись, женский канон давит и маргинализует немало явлений самой женской литературы по причинам этнического или классового, или религиозного, или „недостаточно женского“ характера. Таким образом первоначальное утверждение, что женскость сама по себе содержит альтернативный заряд, исчерпывает себя и лишает себя сил посредством практики, пойманной в ловушку старой патриархальной игры.

Возьмем в качестве конкретного примера идею женских поколений в национальной литературе. Она выглядит провокационной по отношению к канону и привлекательной своей дружостью, из-за чего и нашла известное распространение. За видимой пользой от нее, однако, скрывается практика отсылать опыт реальных женщин со специфическими проблемами, чья жизнь была обусловлена конкретными историческими обстоятельствами, к некоторым категориям, имеющим унифицирующий характер. Термин *поколение* – опасен, в особенности когда он применяется в метафорическом плане, как это в нашем случае, так как он скорее заставляет нас осмысливать индивидуальное, специфическое для каждой писательницы прежде всего через фокус возможности/невозможности „запахать“ его в модель неких сходств, разделяемых одним или несколькими связанными между собой поколениями. Превращенный в методологическую практику, этот фокус стирает ту часть личного опыта, что входит в конфронтацию с общим для ряд женщин, и, в конечном счете, начинает производить коллективные субъекты женской идентичности и женских переживаний.

То, что происходит в литературной истории, в сущности не является специфическим только для нее, оно вписывается в более широкую рамку феминистической методологии, охватывающей и другие социальные и гуманитарные науки. Например, в антропологии: еще с начала 70-ых годов там развивается тенденция к тому, чтобы женщины исследовали незамеченные/неописанные до того момента проявления женского быта и ментальности. Это приводит к открытию новых явлений и вызывает подъем в развитии самой антропологии. В то же самое время, однако, практика *женщины пишут о женщинах*, содержит неизвестные ранее опасности. Те же

самые опасности налицо и в литературоведческих попытках выработать женский канон, потому что и там более 90% исследователей – женщины. Опасность состоит в том, что *писание о женщинах* превращается в *женскую практику*, а это эссенциализирует по половому признаку как литературоведение, так и литературу, которая является его объектом. Национальный литературный канон перестает мыслиться как нечто целое, теперь он выглядит составленным из двух различных и даже противоположных канонов: мужского и женского. На первый взгляд может показаться, что был осуществлен прорыв в статус-кво, но этот прорыв, в особенности если его осуществлять более наступательно, вероятнее всего приведет к маргинализации конструкта, который начнет восприниматься как „второй канон”, и к геттоизации исследований в этой области как „женское дело”.

Предупреждением подобной опасности является факт, что огромная часть писательниц у нас в Болгарии страстно отбрасывают возможность называть их творчество выражением „женское писание” (не говоря об „обвинении” в феминизме).

Каковы тогда возможности писать корректную по отношению к своим собственным задачам и целям историю литературы, создаваемой женщинами? В основном, назову три направления (или три модели), в которых – каждый раз с различными преимуществами и недостатками – может поехать уже набирающая инерцию исследовательская практика. Все три модели сфокусированы на отношениях „женской” истории с литературным канонem, постольку, поскольку он имеется сегодня. Несмотря на то, что я представляю их в отдельности и в какой-то степени изолированные от взаимных влияний, в реальности они уже происходят одновременно, как спонтанно и диффузно ползущие направления.

В **первой** модели преобладает стремление обнаружить и указать на те пробелы в национальной литературной истории, которые касаются присутствия и творчества женщин-писательниц. Авторы читают историю литературы, созданной женщинами, параллельно с официальной литературной историей; указывают на те места, в которых конкретные писательницы и произведения должны были бы присутствовать, но все-таки их там нет, они лишены права доступа по той или иной (социально, исторически, гендер обусловленной) причине. Короче говоря, это кауза вернуть женщин, если не совсем в канон, то хотя бы в видимое пространство национальной литературной истории, переупорядочив ретроспективно ее нарушенную целостность. Методология этой модели самая умеренная, менее амбициозная; не раздражая статус-кво, ее последователи тихо и постепенно накапливают знания, по гегелиански веруя, что количество может превратиться в качество.

Согласно **второй** модели уже существующий канон практически остается нетронутым в своем самом популярном виде – как памятник одной (патриархальной) эпохи. За счет этого, однако, строится и второй (альтернативный) канон, который включает и систематизирует только женщин-писательниц. О преимуществах и опасностях этой модели я уже сказала достаточно, поэтому перейду сразу к **третьей**.

Здесь уже речь идет о смелой и радикальной стратегии, которая рушит не просто „мужское”, или андроцентрическое, в опыте до настоящего времени, а сокрушает саму границу между мужским и женским, между важным и неважным, между центром и периферией. Я имею ввиду возможность отбросить сам канон как авторитарную практику, которая ограничивает наши представления о литературе и дискриминирует одни явления за счет других; отбросить легитимность литературного канона как институции центрократического, монофонического и властного характера. Что, однако, появится на его месте? В лучшем случае – свободная, подвижная констелляция

множества самостоятельных центров представления о значимости: центров разнообразной тематической, жанровой, идеологической и иной ориентации. Это уничтожит авторитарный характер традиционного канона и восстановит естественный плюрализм процессов, в которых возникает и развивается любая литература. И тогда уже „женская литература” не будет бороться за право иметь свое место в какой-то традиционной системе ценностей.

Здесь, однако, возникает ряд серьезных вопросов. Может ли отсутствие традиционного канона затронуть/„подорвать” историческое исследование самой литературы? Как будет происходить и существовать национальный консенсус того, что является важным и что не так важно в литературной истории? Была бы реалистической (даже полезной) подобная практика в области образования, где системность и традиционализм определяют устои самой возможности о педагогической эффективности? И если на первые два вопроса я могу ответить скорее оптимистически, то третий не предполагает позитивного решения, тем более на фоне того, что происходит в Болгарии каждый раз, когда кто-нибудь посягает на „национальную память”, (т.е. на образовательную программу в болгарских школах). Не можем ли, однако, задуматься над возможностью (все более реалистической, имея в виду то направление, куда пошло современное образование) существования двух различных парадигм отношений между историей и канонами? Иными словами, дать образованию центр и традицию; позволить литературоведению (и без того сколько человек вне секты литературоведов читают профессиональные исследования?) элитарную радость существования замкнуто и в одиночестве.